

Дашкова Софья Владимировна, Никифорова Галина Филипповна

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Статья посвящена проблеме социальных протестов. Авторы используют термин "экстремальность" в целях выделения и анализа особого рода протестных акций. Акцентируется внимание на причинах и механизмах формирования экстремальных форм протестов. Даются их характеристика, классификация, целевое и ценностное обоснование. Делается вывод о необходимости эффективных способов разрешения противоречий, которые находят своё отражение в протестах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 62-67. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Эгоцентрическая этика с необходимостью должна быть трансформирована в гетероцентрическую, опирающуюся на интересую субъективную природу моральных принципов. Значимый Другой, который занимает центральное место в этической проблематике второй половины XX века, недостаточно явно представлен в этой глубокой и всеобъемлющей систематической философской системе. Таким образом, являя важный этап философского развития, гартмановская этика актуальна, антидогматична и открыта будущему. Способствуя становлению новых форм личностного и социального творчества, реализуясь в неисчерпаемом богатстве жизни, этика, в ее связи с онтологией, является формой воплощения вечных принципов бытия и блага в жизни и деятельности человека и общества.

Список литературы

1. Аристотель. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
3. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 712 с.
4. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. 527 с.
5. Макинтайр А. После добродетели. Исследования по генеалогии морали. М.: Академический Проект, 2000. 384 с.
6. Ницше Ф. Собрание соч. М.: Престиж Бук, 2012. 1080 с.

PHILOSOPHICAL AND ETHICAL PROJECT BY N. HARTMANN

Davydov Oleg Borisovich, Ph. D. in Philosophy
Far Eastern State University of Humanities
328gr@rambler.ru

The article examines the ethical conception of the German philosopher of the first half of the XX century N. Hartmann developed within the framework of general philosophical schemes. The paper justifies the actuality of his approach to ethics, the distinction of ethics and morals. Aiming at the synthesis of ancient and modern principles Hartmann's ethics is considered to be quite topical under the pluralization of theoretical and practical approaches to the interpretation of the sources of morality.

Key words and phrases: ethics; morality; ethos; existence; ontology.

УДК 323.26

Философские науки

Статья посвящена проблеме социальных протестов. Авторы используют термин «экстремальность» в целях выделения и анализа особого рода протестных акций. Акцентируется внимание на причинах и механизмах формирования экстремальных форм протестов. Даются их характеристика, классификация, целевое и ценностное обоснование. Делается вывод о необходимости эффективных способов разрешения противоречий, которые находят своё отражение в протестах.

Ключевые слова и фразы: экстремальность; протест; социальное действие; ценности; справедливость.

Дашкова Софья Владимировна, к. филос. н.

Никифорова Галина Филипповна, к. филос. н., доцент

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
dashkova.s.v.@yandex.ru; nikiiforova.g.f.@yandex.ru

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА[©]

Волна протестов, вовлекающих всё большее количество участников, прокатилась за последние годы по всему миру; несанкционированные митинги, пикеты, забастовки становятся обычным явлением. Для современного российского общества характерен высокий уровень склонности к социальной агрессии. Озлобленность и отчаяние людей толкает их к тому, что негативный психологический потенциал выплескивается наружу в виде массового стихийного протеста доведённых до отчаяния людей. Невозможность конструктивного диалога, максимализм противоборствующих сторон не позволяют достичь консенсуса, снять мотивы, глубинные источники социальной напряжённости в обществе. Нарастает мобилизационный потенциал протестующих, расширившись за счёт тех, кто раньше дистанцировался от открытого выражения недовольства. Отсутствие веры в будущее, тотальное недоверие к политическим партиям, государственному руководству, ко всем институтам власти всё более утверждающееся в жизни российского общества, несёт в себе большую опасность, раздробляя и расчлняя его [4, с. 452]. В сложившейся ситуации, когда наблюдается рост протестных настроений в обществе, но отсутствуют легитимные оппозиционные институты и лидеры, способные придать спонтанным протестным акциям граждан организованный характер, растущая социальная напряженность может достигать высокой степени экстремальности, а массовые протесты выходить за пределы законности.

Социальный протест – это открытая и демонстративная реакция на общественную ситуацию, проявление негативного отношения к социальной системе в целом или её отдельным элементам, нормам, ценностям, принимаемым решениям. Одной из форм социального протеста являются экстремальные акции, которые представляют собой особый тип социально-направленных действий. На наш взгляд, экстремальные формы социального протеста представляют собой: во-первых, эмоционально окрашенную реакцию на определённую ситуацию, выражение крайних, предельных состояний; во-вторых, тактику с целью привлечь внимание к проблеме, достичь определённой цели; в-третьих, противодействие экстремальным воздействиям.

Предпосылкой социальных протестных действий являются объективные ситуации, процессы (нарушение равновесия стратификационной системы, гражданских прав, кризис ценностно-нормативной системы и т.п.), которые влекут за собой напряжение в обществе и вызывают состояния недовольства и раздражения у определённых социальных групп. Показателем оценки эффективности социальной политики власти с точки зрения её влияния на социально-психологическую атмосферу и массовые настроения является социальное самочувствие людей, которое, «является обобщённой эмоционально-оценочной реакцией людей на социальные изменения и своё положение в трансформирующемся обществе» [1, с. 58]. Как отмечают В. М. Чугуенко и Е. М. Бобкова, самочувствие «составляет социально-психологическую основу для социальных настроений разного типа от оптимизма, уверенности в будущем, ожидания от власти принятия действенных мер до пессимизма, нарастания протестных настроений и движений, перехода к прямой борьбе за перемены к лучшему» [12, с. 23].

Наиболее распространённой теоретической моделью, объясняющей причины протестного настроения, является концепция депривации. Депривация – это состояние недовольства, вызываемое расхождением между реальным и ожидаемым состоянием, к которому стремится субъект. В том случае, когда это расхождение становится значительным, а достижение целей отодвигается на неопределённый срок или становится невозможным, недовольство приобретает массовый характер и возникает мотивация участия в протестных действиях. Для того чтобы протест приобрёл экстремальную форму, необходим предельный уровень социального недовольства, признание активных массовых действий в качестве единственного средства социальных перемен. Наиболее распространённым фактором депривации является неравенство возможностей социальных субъектов в различных сферах общества.

С. В. Мареева в своём исследовании приходит к выводу о том, что существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от уровня их жизни и динамики личного благополучия. Особенно болезненно россияне воспринимают чрезмерную дифференциацию доходов и неравенства в распределении частной собственности, представляющиеся им несправедливым [6, с. 18-19].

Необходимо отметить, что сам по себе факт социального неравенства не вызывает непреодолимое желание экстремального протеста. В истории можно обнаружить массу периодов, когда люди жили в ужасающей нищете и подвергались жесточайшему угнетению, однако, не протестовали и не восставали. Постоянная бедность и обездоленность не делают людей революционерами, они скорее склонны переживать подобные обстоятельства смиренно, с тихой безысходностью. Экстремальные формы протестных действий – это не просто акт отчаяния от бедности, а переживание чувства униженного достоинства. Чувство справедливости, чувство собственного достоинства – это те социальные чувства и ценности, которые люди способны ставить выше других. Справедливость рассматривается как ценность и как оценка жизни человека с точки зрения человеческого достоинства – соответствует ли его жизнь представлениям о «достойной человека жизни» или нет. Наиболее значимым и болезненным оказывается противоречие между жизнью, которую люди вынуждены вести, и их представлениями о том, чего они могли бы достичь. Осознание несправедливости существующего положения вещей, его несоответствия представляемым нормам и ценностям общества, невозможности в ближайшей перспективе его изменить формирует у определенных групп людей протестное настроение. И если они не могут найти легитимных способов выражения и защиты своих прав, интересов и ценностей, чувство несправедливости начинает принимать крайние, предельные состояния (отчаяние, гнев), превышающие возможности человека к терпению и побуждать к сопротивлению.

Особенно болезненно социальное неравенство переживает молодёжь. Неудовлетворённые социальные ожидания, связанные с возможностью самореализоваться, изменить обстоятельства и прогнозировать своё ближайшее будущее, у одних вызывают неудовлетворённость, разочарование и социальную апатию, а других – циничное отношение к жизни и озлобление. В этом случае деструктивность молодых людей выступает как социальный протест, который направлен против конкретных жизненных ситуаций, перед лицом которых они оказываются, против несправедливости к ним со стороны общества в лице его представителей [2, с. 33].

В демократичном обществе предполагается, что когда индивид или группа выражают требование в признании или восстановлении их прав и если оно ущемлено или не соблюдено, то они выражают готовность и стремление к обязательному их удовлетворению и восстановлению справедливости. Свобода граждан, включая свободу инакомыслия и права меньшинства, должна быть защищена законом. Однако на практике процесс признания прав и восстановления справедливости – очень болезненный процесс. Драматизм ситуации возникает всякий раз, когда права человека или группы воспринимаются как требования соблюдения прав меньшинства при отсутствии к ним уважения. Так, например, некоторые социальные группы (этнические и национальные меньшинства), которые вопреки провозглашённому юридическому равенству не равны в политическом смысле другим группам общества, подвергаются постоянной дискриминации. Как верно отмечают С. А. Храпов и А. Р. Бигалиев, общество привыкло жить в ситуации двойных стандартов, что существенно укореняет социальную несправедливость [11, с. 205]. Невозможность признать или восстановить

свои права легитимным способом вызывает у людей стремление восстановить справедливость, что всегда достигалось в результате революций или кровавых гражданских войн.

Публичное выражение протеста и возможность быть услышанным – является одной из главных целей протестных акций. Тем не менее, игнорирование протестных акций, либо искажённое её представление в глазах общественности становится распространённым явлением. Официальные лица, общественные и политические деятели, СМИ не информируют достаточно объективно и обстоятельно о причинах протестов, принятых мерах, результатах и представляют участников протестных движений как «возмутителей спокойствия». Дискредитация в глазах общественности протестных акций, навешивание ярлыков на их участников и лидеров в СМИ является средством манипуляции сознанием населения. Как показывают некоторые исследования, «если общество воспринимает движение как выражение подлинного протеста, шансы его поддержки повышаются. Они снижаются, если участников движения считают лишь группой нарушителей спокойствия» [10, с. 608]. Вследствие этого протестующие начинают искать более эффективные способы репрезентации своих требований и добиваться того, чтобы акция произвела резонанс в обществе.

Другой причиной, заставляющей людей прибегать к крайним средствам, является неадекватная реакция властей на оппозиционные акции протеста. Проблема нарушения прав человека на мирные собрания становится всё более актуальной для большинства регионов России. Следует отметить, что в настоящее время *de jure* люди располагают большим арсеналом средств выразить свой протест в легитимной, конвенциональной форме. Большинство протестующих может подать протест в мэрию, иск в суд или начать какую-нибудь кампанию по защите общественных интересов. В рамках политических свобод люди имеют право выражать мнения, расходящиеся с политикой официальных государственных лиц, то есть имеют право на законную оппозицию. Они могут создавать объединения, распространять свои взгляды с целью изменения общественного мнения, внутренней и внешней политики государства с помощью выступлений, публикаций, подачи петиций, организации митингов, участия в голосовании. Порядок реализации права на свободу собрания регламентируется специальным федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (Федеральный закон № 54-ФЗ, от 19 июня 2004 года, вступил в силу 23 июня 2004 г.). Согласно этому закону о правилах проведения конвенциональных протестных акций, правительство не имеет право применять гонения и репрессии в отношении оппозиции и преследовать её в судебном порядке, иначе является законным правом граждан. Однако *de facto* процесс согласования митинга с органами властями – очень сложный процесс. Эта проблема становится особенно актуальной тогда, когда происходят какие-либо общественно-значимые события, и граждане хотят сразу же и своевременно выразить свое к ним отношение. Такая форма стихийных акций вполне традиционна, но российским законодательством признаётся как правонарушение. Социальный протест воспринимается представителями власти как нежелательная форма массовой активности населения, дестабилизирующая обстановку в регионе. Для прекращения акций в целях защиты существующей системы и поддержания политической стабильности посредством армии, спецслужб и правоохранительных органов широко используются «законные» технологии принуждения, порядок приостановления или прекращения публичных акций игнорируется. Задержание участников акции до её проведения, незаконное задержание участников акции с применением неспровоцированного насилия и спецсредств; задержание граждан, не причастных к проведению публичной акции – становятся распространёнными методами в целях прекращения мирной акции протеста. Всё чаще участники мирных митингов во всех странах подвергаются прямому насилию и репрессиям. Так, например 2013 год отмечен годом социальных протестов против политики президента Николаса Мадуро и репрессий в Колумбии.

Игнорирование требований людей, нарушение их прав и унижение достоинства посредством насилия вызывает у протестующих сильное негодование и усиливает их сопротивление. Как отмечают А. В. Дмитриев и И. Ю. Залысин, «...при использовании насилия игнорирование интересов объекта осуществляется в грубой, оскорбительной форме (для большинства индивидов оскорбление действием рассматривается как наиболее неприемлемая разновидность унижения достоинства)» [3, с. 147] и, естественно, оно встречает прямое противодействие. В результате конвенциональная акция протеста после попытки её подавления может приобрести экстремальный характер и перейти в активное сопротивление, сместив акцент чувств людей с одного объекта противоречия на другой. Целый ряд событий в мире показывает, что протестное движение может довольно быстро перейти рубеж организованных акций с социальными требованиями и перерасти в политическое движение массового неповиновения. Так, например, в Турции, в июне 2012 года протесты в парке *Gezi*, начинавшиеся как демонстрации против запланированного сноса парка, после применения суровых мер в отношении протестующих превратились в общее антиправительственное выступление по всей стране.

Широкое распространение получает не только физическое воздействие для подавления акций, но и психологическое – для предупреждения их проведения. Средством этого вида воздействия является идеологическая обработка, использование общественного мнения и т.д., а его объектом – сознание людей и формирование определённых установок. Кроме того, дискредитация участников протестных акций позволяет оправдывать своё собственное реальное насилие по отношению к ним.

Эффективность применения жёстких способов нельзя преувеличивать. Применение силы является не только экстремальным способом наведения порядка, но и актом устрашения потенциальных субъектов акции. Безусловно, угроза применения негативных санкций, мер давления: физическое воздействие, перспектива лишения свободы или достигнутого социального статуса имеют для определённой категории граждан сдерживающий эффект. Кроме того, широко используемые разнообразные инструменты пропаганды, идеологической

обработки через СМИ, направленные на изменение сознания людей, формирование под воздействием запугивания определённых установок и норм поведения, приводят к исключению представителей некоторых социальных групп из непосредственного участия в акциях протеста. Однако если рассматривать акцию социального протеста как последнюю возможность выразить свои требования, то её насильственное подавление не обладает высокой эффективностью и имеет лишь временный эффект. Как отмечает Г. В. Осипов, «подавляемые формы социального поведения, согласно экспериментальным данным, имеют тенденцию к возрождению в том же качестве и после прекращения воздействий негативных санкций» [8, с. 116]. Кроме того, легитимные акции протеста переходят в конфронтационные, которые являются реакцией на экстремальные обстоятельства – репрессивные меры со стороны власти.

Экстремальные формы социального протеста, на наш взгляд, можно выделить по следующим основаниям.

В зависимости от тактики все протесты разделяются на три категории: *мирные, конфронтационные и насильственные*.

Мирные – это конвенциональные формы протеста, которые не используют прямого давления для достижения цели протеста (митинги, демонстрации, пикеты и т.д.). **Конфронтационные** протестные акции включают прямое давление для достижения цели протеста, но не причиняют физического вреда людям или собственности (блокирование дорог, магистралей, забастовки и т.д.). **Насильственные** протестные акции причиняют или угрожают причинить прямой вред людям или собственности (избиение, вандализм, захват заложников и т.д.).

Следует отметить, что любой социальный протест может при определённых условиях приобрести свойство экстремальности: конвенциональные формы могут переходить в конфронтационные и достигать насильственных. В некоторых случаях эти, отдельно выделяемые в самостоятельные виды протесты, могут одновременно являться и стадиями развития одного протеста, доходящего до высокой степени экстремальности. Как правило, социальный протест начинается с конвенциональной стадии и по мере эскалации конфликта и невозможности его решения переходит на следующую стадию. На наш взгляд, экстремальный характер протесты принимают уже на конфронтационной стадии своего развития и достигают своего апогея на насильственной, где уже нет никакой возможности диалога.

По масштабу, количеству участников можно выделить *индивидуальные, групповые и массовые* виды экстремального протеста.

Следует отметить, что в существующих определениях социального протеста, как правило, акцент делается на групповых и массовых видах. Тем не менее, мы считаем необходимым выделить и индивидуальные формы обращения к обществу (голодовка, нанесение телесного ущерба, убийство, суицид), которые обусловлены тем, что они являются актом отчаяния и подчас единственной попыткой обратить внимание общества на значимую проблему. Кроме того, индивидуальный протест можно рассматривать не просто как акт отчаяния, но и как серьёзный, обдуманный и мужественный поступок, который совершали люди во имя свободы и справедливости во все времена. В качестве примера таких индивидуальных протестов можно привести следующие: математик И. А. Рипс – двадцатилетний студент 13 апреля 1969 года предпринял попытку самосожжения в знак протеста против оккупации Чехословакии, которая вызывала у него чувство глубокой горечи; британская художница Элис Ньюстед 25 августа 2011 г. подвесила себя на потолке центрального косметического магазина в Лондоне на рыболовных крюках, чтобы обратить внимание публики на проблему жестокой промысловой практики, известную как «акулы плавники», которая, по её мнению, может привести к вымиранию акул; предприниматель, активист оппозиции Владимир Малышев в ноябре-декабре 2012 и июле-августе 2013 года выдержал две длительные голодовки против репрессий в стране и за освобождение участников так называемого «Болотного дела».

Групповые формы экстремального протеста могут объединять людей, принадлежащих к одной социальной общности (студенческие протесты, протесты рабочих, шахтёров, экологов и т.д.), либо быть разнородными по своему составу, но объединёнными общей проблемой.

Группы, выражающие протест могут быть *формальными* и *неформальными*, деятельность может носить *организованный* или *стихийный*, спонтанный характер. Историческим универсальным феноменом являются массовые социальные движения (бунты, мятежи, восстание), которые слабо контролируются и несут сильную эмоциональную нагрузку.

По деструктивному потенциалу экстремальных акций протеста важно различать действия, отклоняющиеся от принятых социальных норм, но не представляющие общественной опасности, и общественно опасные. Так, индивидуальные формы протеста обладают наименьшим деструктивным потенциалом. Стихийные массовые акции в силу их непредсказуемости и высокой эмоциональности могут представлять большую опасность для окружающих и иметь негативные последствия.

На наш взгляд, экстремальная форма социального протеста как социально-направленное действие имеет следующие особенности:

- **ценностно-ориентированный характер действия.** Экстремальные формы протеста имеют глубинные, ценностно-смысловые структуры. Они представляют собой бунт, «мятежное действие», которое предполагает некую ценность. В истории известно немало случаев массового выступления людей, в которых даже при преобладающей стихийности и неорганизованности, выливающиеся в погромы, прослеживались пусть не до конца осознаваемые, примитивно и нецивилизованно выраженные идеи свободы и справедливости;

- **свободное действие,** акт проявления свободы воли, поступок. Возможность угрозы или наказания не могут заставить человека выступить с протестом против чего-либо, это является результатом его осознанного

свободного выбора. Для защиты таких ценностей как справедливость, достоинство, свобода, человек должен сам быть активно действующим субъектом, обладающим свободой воли. По словам А. Камю, «прорыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое, и в смутной убеждённости бунтаря в своей доброй воле, а вернее в его впечатлениях, что он — в праве что-то делать то-то и то-то» [5, с. 127];

– **демонстративный характер** действий, целью которых является – привлечение внимания других людей к проблеме. Протестная акция: массовая или индивидуальная, всегда направлена на привлечение к ней внимания общественности;

– **наиболее действенный способ коммуникации**. По свидетельству социологов, современные протестные настроения – это открытое проявление кризиса в коммуникации власти и народа. В связи с этим акция, которая приобретает экстремальный характер, становится последним средством, чтобы быть услышанным, посланием, которое адресуется не только представителям власти, но и социально-апатичным слоям населения. К этим экстремальным формам протеста прибегают люди в тех случаях, когда все другие способы коммуникации оказываются неэффективными;

– **непредсказуемый характер действий**. Экстремальные протесты имеют относительно высокую степень стихийности и непредсказуемости. Как показывает практика, один вид протеста может переходить в другой: мирный – в конфронтационный и насильственный; индивидуальный или групповой, при определённой поддержке населения, может перейти в массовый; протест против одного вопроса может выявить и другие противоречия; организованные – в неорганизованные. Так, например, 19 июня 2014 г. в бразильском городе Сан-Паулу массовая акция неформального движения *Black Block*, направленная на саботаж проведения чемпионата мира по футболу с целью добиться изменений в управлении страной, переросла в беспорядки и столкновения с полицией;

– экстремальные формы протеста – это **крайнее средство**, последний аргумент, который используется когда мирными средствами невозможно добиться результата. Как отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «нередко к насилию прибегают, исчерпав все средства в надежде образумить, отстоять то, что кажется справедливым. Печально, конечно, что жизнь раз за разом вынуждает человека к такому насилию, но бесспорно также, что оно – дань разуму и справедливости. Ведь и само это насилие не что иное, как ожесточённый разум. И сила действительно лишь его последний довод» [7, с. 84].

Следует отметить, что длительные, безрезультатные протестные акции, остающиеся без внимания, приводят к тому, что чувство справедливости достигает предельных состояний. Этими чувствами людей могут воспользоваться экстремистские и террористические организации, действующие под политическими, националистическими и религиозными лозунгами, вовлечь их в своё движение, призывая применять насилие во имя восстановления справедливости. «В нарастающих движениях социального протеста люди действуют под различными знамёнами. Мы видим здесь и зелёное пламя ислама, и чёрное знамя анархизма, и тех, кто выбрал своим символом красное знамя социальной революции. Соответственно этому на поверхность бурных общественных процессов выдвигаются вожди, которые умеют угадать или понять настроения людей и завоевать их поддержку» [4, с. 96].

Таким образом, игнорирование социальных проблем может привести к нарастанию социальной напряжённости, ведущей к забастовкам, насилию и гражданскому неповиновению властям. Становится совершенно очевидным, что «массовые протесты нельзя не замечать или перетерпеть» [9, с. 10]. В связи с этим возникает необходимость способствовать снятию напряжённости в обществе и использовать эффективные способы разрешения противоречий, которые находят своё отражение в протестах.

Список литературы

1. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. Теория и методы самочувствия // Социология. 4М. 1998. № 10. С. 58-66.
2. Дашкова С. В. Молодёжь в городской среде: деструктивное поведения и его проявления // Социология города. 2011. № 2. С. 30-37.
3. Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 328 с.
4. Илларионов С. И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М.: ООО «РИЦ –ПрофЭко», 2003. 592 с.
5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
6. Мареева С. В. Справедливое общество в представлении россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16-26.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевич. Изд-е 2-е. М.: Весь мир, 2000. 704 с.
8. Осипов Г. В. и др. Социология. М.: Мысль, 1990. 448 с.
9. Против: Протестная книга № 1 в России / сост. В. Г. Башкирова; под ред. В. Ю. Дорофеева. М.: Рид Групп, 2012. 416 с.
10. Смельзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1998. 688 с.
11. Храпов С. А., Бигалиев А. Р. Проблема справедливости в эпоху современного мировоззренческого кризиса: историко-философский и социально-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. 1. С. 203-206.
12. Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15-23.

EXTREME FORMS OF SOCIAL PROTEST

Dashkova Sof'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Nikiforova Galina Filippovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
dashkova.s.v.@yandex.ru; nikiforova.g.f.@yandex.ru

The article is devoted to the problem of social protests. The authors use the term –extremity” with a view to identify and analyze a special type of protest actions. The paper focuses on the reasons and mechanisms for the formation of the extreme forms of protests, presents their characteristic, classification, target and value foundation. The researchers conclude about the necessity for effective means for solving the contradictions, which are represented in protests.

Key words and phrases: extremity; protest; social action; values; justice.

УДК 7

Искусствоведение

В статье рассматривается практика детских музеев литературы и приводится концепция Детского музея литературы, который планируется в Азербайджане. Также представлен план программы, которая может быть применена в рамках деятельности подобных музеев. Программа основана на произведении великого классика Мухаммеда Физули «Спор плодов». Ее целью является воспитание в детях взаимоуважения, взаимопонимания, терпимости. Тема является новой для музееведческой отрасли Азербайджана ввиду отсутствия подобных музеев в стране.

Ключевые слова и фразы: детский музей; Мухаммед Физули; азербайджанская литература; аллегория; воспитание; уважение.

Джафарова Назмин Рустам кызы, к. искусствоведения

Национальный музей азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви

Национальной академии наук Азербайджана

nazminjafarova@gmail.com, nazmin17@mail.ru

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ МУХАММЕДА ФИЗУЛИ «СПОР ПЛОДОВ»
В ДЕТСКОМ МУЗЕЕ ЛИТЕРАТУРЫ[©]**

*Хвала осветившему сердце мое и путь показавшему
истинно верный,
От нас благодарность навеки тому, кто нас
одарил благодатью безмерной... [5, с. 369].
Мухаммед Физули*

Любовь к музеям и бережное отношение к бесценному историко-культурному наследию необходимо прививать с детства. Во многих странах мира эту функцию наряду с прочими культурными и образовательными учреждениями выполняют детские музеи, которые начали создаваться в странах Америки и Европы с конца XIX века. Они строго ориентированы на детскую аудиторию. Детские музеи отличаются от «взрослых» особенностью фондовой, экспозиционной, экскурсионной работы. Они мобильны, интерактивны, дети во время игр, конкурсов, бесед познают окружающий мир, знакомятся с основными положениями той или иной науки, приобщаются к искусству.

Особое место среди подобных музеев занимают детские музеи литературы (музеи сказок, музеи детской книги). В пример можно привести знаменитый «Юнибакен» (Стокгольм), посвященный пяти австрийским детским писателям, «Жили-были» (Москва), замок-музей Шарля Перро (Париж) и другие. Известно, что в раннем возрасте действенной силой обладают сказки, стихотворения и прочие произведения для детей. Как отметила в одном из своих интервью директор Детского музея «Жили-были» Т. В. Пискарева, «сказка помогает объяснить детям, что мы должны с уважением относиться не только к своей, но и к другим культурам, национальностям» [2].

В Азербайджане детских музеев пока нет. Но мы надеемся на скорое исправление этого существенного недостатка в отечественном музейном строительстве, тем более что уже более трех лет готов проект Детского музея литературы. Согласно этому проекту должны быть разработаны как минимум две *экскурсионные программы*: для детей дошкольного возраста и для детей младшего школьного возраста. Дети дошкольного возраста (до 5-6 лет) в большинстве своем не умеют читать. Поэтому им больше нужна программа, где они смогут слушать аудиозаписи любимых стихов, песен, а в отдельные дни посмотреть анимационные фильмы, снятые по произведениям детских писателей. Так как дети 1-4 классов и выше уже умеют читать, для них планируется